11 Октября

СОБРАНІЕ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 28 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Лейбъ-Медикъ Его Императорскаго Величества, Професоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Въ ряду славныхъ именъ, составляющихъ гордость русской науки и пользующихся заслуженной общеевропейской извѣстностію, одно изъ самыхъ почетныхъ есть безспорно имя нашего знаменитаго профессора Боткина, портретъ котораго помѣщается въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Это не имя кабинетнаго ученаго, знакомаго только его собратамъ по спеціальности; это имя человѣка, неутомимо и съ блестящимъ успѣхомъ трудящагося для блага своихъ современниковъ и всего страждущаго человѣчества. Благодаря своей обширной и успѣшной практикѣ, онъ, подобно своему великому учителю Пирогову, успѣлъ уже стать чуть ли не народнымъ героемъ, слава котораго переносится стоустною молвою въ самые отдаленные закоулки нашего обширнаго отечества; особенно послѣ того, какъ 3 года тому назадъ его искусство увѣнчалось столь счастливыми результатами при пользованіи имъ Государыни Императрицы въ Крыму и выздоровленіемъ отъ тяжкой болѣзни августѣйшаго сына Ея — Наслѣдника Цесаревича. Наши читатели, надѣемся, не безъ удовольствія прочтутъ краткое жизнеописаніе этого даровитаго профессора, имя котораго связано съ такимъ пріятнымъ для каждаго русскаго сердца воспоминаніемъ, тѣмъ болѣе, что между нашими читателями можетъ быть найдутся многіе, обязанные Боткину возвращеніемъ своего здоровья или облегченіемъ страданія своихъ ближайшихъ родныхъ и друзей. Но научная и общественная дѣятельность подобныхъ Боткину людей не ограничивается только своимъ благотворнымъ вліяніемъ на уменьшеніе страданія въ непосредственно окружающей ихъ средѣ. Врачебная наука несмотря на то, что она столь же древняя, какъ и само страждущее человѣчество, въ сущ-

Лейбъ-Медикъ Е. И. Вел. Профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.
Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

ходомъ?.. Охъ, гдѣ *ему* выиграть! Шахъ королевѣ—ничего еще не значитъ»...

— Королю—шахъ! проговорилъ хрипло Власъ Михайлычъ.

Татьяна Власовна вся обратилась въ слухъ.

— Офицеромъ? Хорошо-съ. Беру его и дѣлаю шахъ королю и королевѣ.

— Стойте... Какъ такъ?..

— Да вѣдь это, Власъ Михайлычъ, мой конь! Беру имъ офицера, дѣлаю шахъ королю, а королева ваша уже стоитъ подъ шахомъ... Забыли?..

— Быть не можетъ! Это... это...

Стулъ съ шумомъ отодвинулся.

— Я не могу такъ идти! Я долженъ... Я думалъ...

Голосъ Власа Михайлыча дрожалъ.

— Желаете перемѣнить? заговорилъ мягко Никита Захарьичъ.—Что-жъ, хотя мы условились безъ отставокъ, но... въ такомъ случаѣ я не могу подарить вамъ *обыхъ* королевъ! Уступая эту, я надѣюсь, что вы отдадите мнѣ *другую*?.. Такъ, Власъ Михайлычъ? Тогда я готовъ проиграть на *этой* доскѣ... Перемѣняете?

— Нѣтъ. Я держу слово, но... я не могу теперь продолжать игры. Мнѣ надо подумать... до завтра... только до завтра! Не угодно-ли вамъ, для вѣрности, изобразить на бумагѣ неоконченную партію—вотъ какъ теперь стоятъ фигуры?.. Бумажку съ собой возьмете, а завтра...

— Зачѣмъ же, Власъ Михайлычъ! Неужели я вамъ не вѣрю... не довѣряю?..

— Какъ угодно-съ. До свиданія!

Татьяна Власовна, блѣдная, взволнованная, убѣжала въ свою комнату...

Николай Иванычъ взялъ стаканъ, глотнулъ вина и крякнулъ.

— Такъ какъ разсказъ дѣдушки я передаю своими словами, то ужъ все равно... что тутъ тянуть?—кончу какъ нибудь покороче. На другой день, утромъ, пришлось сломать замокъ въ кабинетной двери; Власъ Михайлычъ не отворялъ ее, да и не могъ отворить, потому что его нашли уже мертвымъ: онъ лежалъ за ширмами, на постелѣ, какъ былъ — въ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ. На столикѣ, у изголовья, стоялъ небольшой пузырекъ съ остатками какой-то темной жидкости.

Черезъ полгода Татьяна Власовна вышла замужъ за Никиту Захарьевича. Дѣдушка такъ заключаетъ свой разсказъ: «Наружное благолѣпіе, а наипаче женское, таитъ иногда внутреннюю безчувственность. Юноша, памятуй сіе».

— А теперь пора и по домамъ! Вино допито, часъ поздній... Покойной ночи вамъ!

Николай Иванычъ всталъ и протянулъ хозяину руку.

В.

Послѣдняя репетиція.

(Изъ галлереи маленькихъ картинокъ).

Въ хорошенькомъ дачномъ будуарѣ полулежала на кушеткѣ молодая женщина въ изящнѣйшемъ лѣтнемъ нарядѣ. Правая рука ея, съ раскрытымъ письмомъ, свѣсилась и почти касалась ковра. Подъ столикомъ валялся конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ. Озабоченное лицо, слегка сдвинутыя брови этой дамы указывали на серьезность содержанія только что полученнаго письма... Но вотъ прекрасная ручка тихо поднялась; снова пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ въ концѣ первой странички, молодая женщина стала читать дальше вслухъ, въ полголоса:

«Воображаю, какъ мила, прелестна теперь Маничка, внучка моя дорогая, и какъ вы оба ухаживаете за нею! Увѣрена, что вы уже успѣли избаловать ее ужасно и—нисколько не удивляюсь. Мой Жоржъ и чужихъ дѣтей любилъ, а тутъ—своя собственная милашка!.. О, какая это радость!.. Ну, кто же изъ васъ больше няньчится съ ней?.. Конечно вы, милая моя Надежда Григорьевна... И зачѣмъ я спрашиваю? Кому же больше и возиться съ ребенкомъ, какъ не вамъ? Только я безпокоюсь: не утомляетесь-ли вы?»...

— Напрасно безпокоитесь, Анна Сергѣевна, почти фыркнула Надежда Григорьевна и продолжала:

«Навѣрно вы все дома сидите, никуда не выѣзжаете, чтобы только не разставаться съ своимъ маленькимъ сокровищемъ»...

— Какъ бы не такъ! Извините! Развѣ я *могу* не выѣзжать?..

«Хорошая-ли нянюшка попалась? Да Маничка на нее вѣрно и смотрѣть не хочетъ, не идетъ отъ васъ къ ней—да?»

— Совсѣмъ наоборотъ. Не угадали!..

«Вотъ, какъ я пріѣду - отниму непремѣнно у васъ Маничку, сама стану возиться съ нею, вы уже должны выѣзжать попрежнему, развлекаться, поддерживать знакомства... Конечно, чувства матери—прежде всего, но вѣдь нельзя же удаляться отъ свѣта. Вы еще такъ молоды, ma chére. Погодите, я васъ освобожу. Не повѣрите, какъ мнѣ пріятно вернуться изъ-за границы! Ахъ, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ Киссингенъ! Я даже стыжусь, что до сихъ поръ не видѣла моей первой внучки, а вѣдь ей второй годъ! Ну что-же дѣлать: докторъ даже и теперь не хочетъ отпустить меня домой... За границей какъ-то особенно любишь Россію! Я прежде не вѣрила этому. Черезъ два дня я буду въ Берлинѣ, а оттуда»...

— Гм! Я никакъ не думала, что она такъ скоро вернется изъ-за границы, проговорила Надежда Григорьевна и бросила письмо на столикъ.

— Интересно—воображаетъ она, что я заперлась, сижу съ Маничкой въ четырехъ стѣнахъ, не выѣзжаю, какъ будто я какая-нибудь мѣщанка!.. Въ послѣднее время я совсѣмъ даже и не вижу Манички... Такой большой кругъ знакомства, что положительно времени нѣтъ!.. Гдѣ же тутъ няньчиться? Да и зачѣмъ?.. Бонна у меня хорошая...

Надежда Григорьевна встала съ кушетки и подошла къ трюмо:

— Гм! Няньчиться! Такихъ маленькихъ *невозможно* брать на руки!.. Маничка однажды совершенно испортила мнѣ новое платье, ну, и съ тѣхъ поръ я не брала ее... Однако, вотъ что скверно: вчера, вечеромъ, когда я была въ простой блузѣ и хотѣла взять Маничку—она закричала, забарахталась, никакъ не желала идти ко мнѣ отъ Луизы... какъ будто я ей не мать, а чужая!.. Нѣтъ, надо будетъ какъ нибудь... къ пріѣзду Анны Сергѣевны... пріучить ее къ себѣ. Что-жъ, двѣ-три репетиціи, а въ самый день пріѣзда «бабушки»—устроить *генеральную* репетицію... Да, это необходимо!.. Анна Сергѣевна имѣетъ свой взглядъ на женщину-мать, а ссориться съ ней... нельзя, потому что эта барыня способна отвернуться отъ меня, если только увидитъ, что «маленькое сокровище» чуждается меня и больше любитъ няньку... А если отвернется—прощай тогда заграничные подарки и вообще доброе расположеніе. Ничего не станетъ дарить, а денегъ у нея—куры не клюютъ!.. Ужь я знаю ее... Ахъ, чувствую, что ѣдетъ она не съ пустыми руками!.. Сегодня же устрою репетицію!..

Можетъ быть благосклонная читательница скажетъ тутъ: «Такъ грубо развѣ выражаются благовоспитанныя дамы? Неужели всѣ эти изящныя женщины такъ черствы, *практичны*, безчувственны?...»

Позвольте, милостивая государыня! Во-первыхъ, когда никого въ комнатѣ нѣтъ, человѣкъ говоритъ (думаетъ вслухъ) откровенно, не стѣсняется, а во-вторыхъ, благовоспитанность, изящество, тонъ—относятся только къ наружности. Вы, конечно, видѣли не одну такую Надежду Григорьевну, съ ея прекрасными наружными манерами, а задавали-ли вы себѣ вопросъ: «каковы-то ея *внутреннія* манеры?» Вотъ, мы и привели маленькій образчикъ этихъ послѣднихъ.—И почему вы полагаете, что одни только мужчины черствые практики, коммерсанты? Развѣ, напр., Помпадурши (тайныя и явныя) не обдѣлываютъ ловко своихъ дѣлишекъ?..

Вернемся къ нашей картинкѣ.

Утромъ, въ день пріѣзда «бабушки», у которой денегъ куры не клюютъ, Надежда Григорьевна устроила въ саду послѣднюю, генеральную репетицію съ Маничкой и Луизой (счетомъ —пятую). Конечно, на всѣхъ репетиціяхъ «бонбошки» играли самую видную роль. Крошка-Маничка брала сладкія взятки, улыбалась мамашѣ и охотно шла къ ней на руки, даже выучилась произносить: *ма—ма*!

Пріѣхала бабушка и—спектакль прошелъ великолѣпно! Маничка такъ твердо знала свою роль, такъ нѣжно лепетала «ма—ма!», что Надежда Григорьевна была просто въ восторгѣ, а Анна Сергѣевна—прослезилась, глядя на эту сцену, и еще больше полюбила «счастливую мать».

А заграничные подарки?...

Ну, конечно, получены: Надежда Григорьевна не ошиблась... И что за прелестные подарки, еслибъ вы знали!..

В.

Кочующіе народы береговъ рѣки Амура.

Важность такой громадной судоходной рѣки, какъ Амуръ, протекающей слишкомъ 400 верстъ и могущей придать большое оживленіе всей торговлѣ Восточной Сибири, давно сознавалась Россіей, и поэтому мы естественно стремились пріобрѣ-

сти амурскія страны. Еще въ началѣ 17-го столѣтія, сѣверные русскіе лѣсопромышленники и казаки пытались перейти Яблоновый хребетъ, и нѣкоторымъ дѣйствительно удалось проникнуть до Амура и верховьевъ Сеи. Ихъ разсказы объ естественныхъ богатствахъ этой страны, особенно объ изобиліи пушнаго звѣря, подзадорили и другихъ смѣльчаковъ. Въ 1643 г. отрядъ казаковъ прошелъ по всему теченію Амура до моря. Послѣ этой счастливой экспедиціи рѣшили основать на Амурѣ колонію, и для приведенія въ исполненіе этого плана, въ 1650 г. командировали туда казачьяго атамана Хабарова. Послѣ труднаго перехода отъ Якутска, Хабаровъ достигъ до верховьевъ Амура и выбралъ мѣстомъ для новой колоніи Албазинъ, гдѣ и заложилъ маленькую крѣпостцу, которая по своему выгодному положенію господствовала надъ всей мѣстностью. По слѣдамъ казаковъ пришли сюда и охотники, основавъ первыя русскія колоніи на Амурѣ. Такимъ образомъ первыми завоевателями Амура была горсть отважныхъ казаковъ и промышленниковъ, привлеченныхъ въ этотъ край богатой добычей дорогой пушнины. Однако, китайцамъ не понравилось это новое сосѣдство, и они нѣсколько разъ посылали войска для того, чтобы отнять у русскихъ Албазинъ; послѣ ожесточенныхъ споровъ, въ 1689 году въ силу заключеннаго въ Нерчинскѣ мирнаго договора между Россіей и Китаемъ, русскіе должны были отказаться отъ Албазина и всѣхъ своихъ селеній въ Манджуріи. Только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія удалось Россіи осуществить наконецъ давнишнюю мысль о пріобрѣтеніи Амура. Назначенный въ 1847 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ, своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій на Амурѣ, достигъ того, что въ 1858 г. по айгунскому договору съ Китаемъ, весь лѣвый берегъ Амура былъ отданъ Россіи. Область же между рѣкою Уссури и манджурскимъ берегомъ, гдѣ уже жили русскіе, была признана принадлежащею обоимъ государствамъ сообща. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось еще два года; въ 1860 г. Китай вполнѣ уступилъ Россіи и эту область, вслѣдствіе чего границы наши распространились до Кореи.

Не смотря на довольно успѣшную колонизацію береговъ Амура, недостатокъ населенія тамъ еще весьма ощутителенъ. На всемъ огромномъ пространствѣ Приамурской области, равняющейся цѣлой Франціи, живетъ приблизительно не больше 24.000 туземцевъ и до 40,000 русскихъ, въ томъ числѣ 15,000 войска. Между тѣмъ естественныя богатства страны ждутъ только рукъ для разработки ихъ. Не говоря объ огромныхъ лѣсахъ, богатыхъ превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ, минеральныя сокровища Амурской области обѣщаютъ весьма много; во многихъ мѣстахъ, у самого Амура, найденъ каменный уголь, золото и желѣзо. Значительная влажность отъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ еще препятствуетъ развитію земледѣлія, но, съ другой стороны, Амурскія страны представляютъ превосходную почву для скотоводства; сотни квадратныхъ миль могутъ служить превосходнѣйшимъ пастбищемъ для милльоновъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Для изслѣдованія Амура много было сдѣлано сибирскимъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, а одинъ богатый сибирякъ, г. Соловьевъ, пожертвовалъ полъ-пуда золота для снаряженія въ этотъ край экспедиціи, управленіе которой было поручено извѣстному путешественнику Ричарду Мааку. Прекрасныя описанія Маака, Максимова, Герстфельда и другихъ ученыхъ путешественниковъ познакомили насъ съ этимъ пустыннымъ, далекимъ краемъ и образомъ жизни и нравами его кочующаго населенія.

Рѣка Амуръ, кромѣ своего истока, обитаемаго монголами и бурятами, и устья, населеннаго гилякми, народомъ курильскаго происхожденія (какъ надо предполагать), есть рѣка по преимуществу тунгузская, то есть протекаетъ по мѣстностямъ, населеннымъ тунгузскими племенами. Племена эти не многочисленны, и по мѣрѣ разширенія колонизаціи края постепенно вымираютъ. На всемъ громадномъ пространствѣ Приамурской области, простирающейся на 38,500 квадратныхъ миль, изъ коихъ болѣе 10 тысячъ принадлежитъ Россіи, насчитывается не больше 24,000 туземцевъ. Съ размноженіемъ по берегамъ Амура европейскихъ переселенцевъ, эти полудикіе народы, одѣтые въ мѣха и рыбью кожу, безъ сомнѣнія исчезнутъ совершенно, поэтому тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ нихъ въ настоящее время особенно дороги.

Полу-кочующіе народы Амура принадлежатъ, какъ мы уже сказали выше, къ тунгузскому племени. Отъ сліянія Шилки съ Аргунью, на протяженіи 600 или 650 верстъ, разсѣяны два тунгузскія племени, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *орочоновъ* и *манегровъ*. Вмѣстѣ съ своими сосѣдями *бирарами*, на лѣвомъ берегу Амура, они составляютъ самое многочисленное туземное населеніе. Далѣе мы встрѣчаемъ немногочисленныя племена *гольдовъ*, *ольчей* и *мангуновъ*; послѣдніе населяютъ лишь 40 деревень, въ которыхъ считается тысяча съ небольшимъ жителей. Еще далѣе вглубь страны, по лѣвымъ притокамъ Нижняго Амура, живутъ родственные имъ самаги.

Орочаны обыкновенно малорослы и рѣдко превышаютъ средній ростъ; тѣлосложеніе ихъ худощаво, руки и ноги тонки. Плоское лицо съ довольно большимъ острымъ носомъ, широкія скулы, большой ротъ съ тонкими губами, черные, маленькіе, немного сонливые глаза, черные гладкіе волосы и жиденькая бородка, составляютъ отличительную физіономію этихъ двухъ племенъ. Одежда ихъ заключается въ кожаной или мѣховой курткѣ, подъ которой они носятъ длинный китайскій халатъ изъ бумажной матеріи и кожаные панталоны; вмѣсто сапоговъ ноги обматываются оленьими шкурами, впрочемъ богатые носятъ и сапоги. Куртка стягивается кожаннымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ съ пряжкой; за него всегда заткнуты вещи ежедневно и часто употребляемыя: ножъ, трубка съ иглой для прочищенія ея, огниво, уховертка, щипчики для выдергиванія изъ бороды волосъ и красивый кошелекъ китайской работы. Всѣ эти предметы снабжены унизанными стеклярусомъ и бисеромъ шнурочками, китайскими монетами и проч. Бороду и усы отпускаютъ одни старики; надъ лбомъ и на вискахъ волосы выстрижены, а на затылкѣ заплетены въ длинную косу.

Женская одежда мало отличается отъ мужской; за поясомъ своей куртки онѣ также постоянно имѣютъ при себѣ всѣ необходимыя принадлежности для куренья, такъ какъ и женщины и даже дѣти курятъ здѣсь не менѣе мущинъ.

Физіономія манегровъ представляетъ два рѣзко противуположныхъ типа: одинъ чисто монгольскій, то есть—маленькій носъ и выдавшіяся скулы; другой,—продолговатый овалъ лица, правильныя черты, пропорціональныя скулы, носъ длинный, прямой, немного орлиный. Эта разница въ типахъ объясняется тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, что манегры, которые вообще весьма ревнивы, часто предоставляютъ своихъ женъ наѣзжающимъ сюда каждый годъ манджурскимъ чиновникамъ. Маленькій ростъ, тщедушность и тоненькія оконечности, отличающія орочановъ, рѣдко встрѣчаются у манегровъ; эти послѣдніе, напротивъ, большею частію отличаются силой, хорошо сложены, роста средняго и часто высокаго. Но женщины, особенно старухи, очень некрасивы; впрочемъ, иногда попадаются и между женщинами пріятныя физіономіи.

Манегры, какъ и орочаны, превосходные охотники и рыболовы. Зимой они отправляются на охоту въ лѣса, гдѣ и разсыпаются большими и малыми группами. Искусный охотникъ настрѣливаетъ въ зиму до пяти сотъ бѣлокъ, которыхъ продаютъ не менѣе 15 коп. сер. за штуку. Лукъ и стрѣлы уже почти вышли изъ употребленія; взамѣнъ ихъ употребляются китайскіе карабины или русскіе кремневыя ружья, которыми эти народы владѣютъ съ удивительнымъ совершенствомъ.

Особенную выгоду приноситъ манеграмъ и орочанамъ рыбная ловля весной и лѣтомъ. Помимо множества мелкой рыбы, главную добычу ихъ составляютъ осетры, имѣющіе иногда по пуду икры. Пойманную рыбу они частію употребляютъ въ пищу, частію вымѣниваютъ на муку шилкинскимъ казакамъ; за пудъ рыбы они получаютъ полпуда ржаной муки, и за пудъ икры отъ 3½ до 4-хъ пудовъ муки. Ловля осетровъ производится большею частію посредствомъ искусно устроенныхъ гарпуновъ; ладьи ихъ, съ легкимъ остовомъ, дѣлаются различной величины, смотря по числу сѣдоковъ и обшиваются березовой корой, а оба конца загибаются кверху, въ видѣ крючковъ.

Не смотря на то, что орочаны и манегры кочевые народы, они имѣютъ однако постоянныя жилища, въ которыя всегда и возвращаются съ кочевья. Живутъ они въ коническихъ юртахъ, построенныхъ на деревянныхъ шестахъ, которые сперва покрываются берестой, а потомъ еще устилаются шкурами сѣверныхъ оленей. При входѣ гостя въ подобную юрту, хозяинъ ведетъ его въ заднюю часть, называемую *мала*, куда женщины не имѣютъ доступа, и послѣ этого подаетъ ему закуренную трубку, переходящую изъ рукъ въ руки, какъ у краснокожихъ дикихъ Сѣверной Америки. Хотя у орочановъ и манегровъ допускается многоженство, но у нихъ обыкновенно не бываетъ больше одной жены; они беруть ее къ себѣ въ домъ нерѣдко до возмужалости, такъ что она живетъ пока въ качествѣ служанки, но и выйдя замужъ всю жизнь остается въ подчиненномъ положеніи и исправляетъ самыя тяжелыя работы. Лошади, сѣверные олени и большее или меньшее число собакъ, суть единственныя домашнія животныя орочановъ и манегровъ. Что касается ихъ религіозныхъ вѣрованій, то они закоренѣлые шаманы. Позади юрты находится особое помѣщеніе, считаемое священнымъ, гдѣ стоятъ ихъ неуклюжіе идолы, которымъ они покланяются съ большимъ усердіемъ.

Тунгусы, обитающіе въ средней части Амура и обозначаемые подъ общимъ именемъ *дауровъ*, отличаются отъ орочановъ и манегровъ болѣе высокой степенью развитія и большею частію живутъ осѣдло. Вліяніе китайцевъ у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго племени по Амуру. По близости ихъ жилищъ пасется рогатый скотъ и табуны лошадей. Они употребляютъ двухколесныя повозки, дома ихъ окружены фруктовыми садами и огородами, а тамъ и сямъ виднѣются обширныя поля пшеницы, изъ которой жители приготовляютъ хлѣбъ, еще неизвѣстный орочанамъ и манеграмъ.

Постройка ихъ жилищъ довольно разнообразна: одни живутъ въ конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ березовой корой, камышемъ или прутьями, а иногда плетенками въ видѣ корзинъ; другіе имѣютъ дома, построенные изъ дерева и глины. Свѣтъ проникаетъ черезъ рѣшетчатыя окна съ прозрачной бумагой

вмѣсто стеколъ. Эти постройки, равно какъ и одежда дауровъ, сильно носятъ на себѣ китайскій характеръ. Мущины носятъ длинную одежду, а сверхъ нея нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами. Кромѣ того они носятъ панталоны и сапоги съ толстыми подошвами изъ папки. Волосы на головѣ спереди и съ боковъ острижены, а сзади висятъ длинной косой. На головѣ они носятъ китайскую шляпу или шапку. Трубку курятъ и мущины и женщины. Поясъ съ курительными принадлежностями, ножемъ, китайскими палочками, замѣняющими наши вилки, огниво и т. д. составляютъ необходимую часть туалета каждаго тунгуза.

Тунгузы-бирары, кочующіе по лѣвому берегу средняго Амура, добрые, простодушные люди и хорошіе охотники. Они солятъ землю, чтобы пріучить оленей къ посѣщенію опредѣленныхъ мѣстъ. Своими нравами и обычаями они ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ остальныхъ кочевыхъ тунгузскихъ племенъ. Самые же просвѣщенные изъ всѣхъ тунгузскихъ народовъ, обитающихъ у Амура, это *мангуны* и *ольчи*. У нихъ мы видимъ степень благосостоянія, какой нѣтъ у другихъ тунгузовъ. Жилища ихъ просторны и свѣтлы; дымъ отводится деревянными трубами на воздумъ, полъ плотно убитъ глиной, и въ

Кочующіе народы береговъ рѣки Амура. Рис. Леопольдъ Фламенъ, грав. Паннемакеръ.

немъ всегда есть углубленіе, гдѣ лѣтомъ постоянно поддерживаются раскаленные угли для зажиганія трубки и нагрѣванія водки. Стѣны состоятъ изъ двухъ рядовъ бревенъ, законопаченныхъ соломой и глиной. Крышу дѣлаютъ изъ березовой коры, которую, въ предупрежденіе того чтобы ее не снесло вѣтромъ, прикрѣпляютъ камнями.

Главнымъ способомъ добыванія жизненныхъ средствъ, служитъ для мангуна рыболовство. Рѣка даетъ ему и пищу, и одежду, и освѣтительный матерьялъ. Одѣваются мангуны щеголевато, особенно женщины. Одежда ихъ манджурскаго покроя, украшается на подолѣ цвѣтными суконными или шелковыми лентами, къ которымъ привѣшиваются раковинки или китайскія монеты. Серьги изъ проволоки съ бисеромъ составляютъ весьма любимое украшеніе. Мущины и женщины татуируются, впрочемъ это татуированіе ограничивается обыкновенно нѣсколькими крестообразными знаками на лбу.

Мангуны вовсе не настоящіе номады, хотя и не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Иногда они не бываютъ дома по цѣлымъ мѣсяцамъ и устраиваютъ лѣтнія хижины у тѣхъ мѣстъ рѣки, гдѣ разсчитываютъ на самый обильный ловъ. По окончаніи же лова, они снова возвращаются въ свои зимніе дома.

Неподалеку отъ жилья стоятъ амбары, построенные на сваяхъ, которые, какъ и жилые дома, рѣдко бываютъ заперты. Честность одна изъ прекраснѣйшихъ чертъ мангуновъ; кража у нихъ—неслыханное преступленіе. Вообще нравъ ихъ добродушный и смѣлый. Въ семьѣ власть отца пользуется неограниченнымъ авторитетомъ. До извѣстнаго возраста дѣти находятся въ полной власти отца, который выбираетъ невѣсту для своего сына, когда тотъ еще мальчикъ. Женихъ и невѣста выростаютъ въ одной хижинѣ, какъ братъ и сестра. Свадьба справляется какъ только мальчику минетъ 18 лѣтъ, а дѣвочкѣ 14. Обычай не запрещаетъ имѣть мангунамъ и нѣсколько женъ, но этого не бываетъ, потому что у нихъ мущинъ больше чѣмъ женщинъ.

Всѣ эти тунгузскіе народы береговъ Амура ревностные шаманы; суевѣрія ихъ безчисленны, а мысль о злыхъ духахъ вселяетъ въ нихъ паническій страхъ. Шаманы ловко пользуются суевѣріями этихъ дикарей и имѣютъ надъ ними большую власть, но за то на нихъ лежитъ и большая отвѣтственность. По вѣрованіямъ тунгузовъ, обыкновенные люди, послѣ смерти всѣ безъ различія попадаютъ прямо въ рай, шаманъ же, если онъ пользовался своею властью надъ злыми духами ко вреду ближняго, идетъ въ адъ. Умершимъ оказывается большое уваженіе; тѣло усопшаго кладутъ въ гробъ изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Надъ могилой ставится хорошенькій деревянный домикъ съ рѣзными украшеніями. Особенно изящно украшаются рѣзьбой гробничныя хижинки шамановъ. На небѣ тунгузъ также занимается охотою и рыболовствомъ, а потому неподалеку отъ гробницы вѣшаютъ сѣть, лукъ и стрѣлы, чтобы умершій могъ охотиться и на томъ свѣтѣ. Кромѣ того на гробничный домикъ кладутъ отъ времени до времени небольшія жертвы изъ рыбы, табаку и тому подобныхъ предметовъ.

Таково туземное населеніе, завоеванное нынѣ для цивилизаціи амурскихъ странъ. Но, какъ извѣстно, дыханіе цивилизаціи не совершенетвуетъ, а уничтожаетъ эти первобытныя дикія племена, и можетъ быть черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ этихъ мѣстностяхъ сохранится отъ нихъ одно только воспоминаніе.